

Евгений Боратынский: в погоне за счастьем

К 2 марта 20... года - 2...- летию со дня рождения поэта Евгения Абрамовича Боратынского (Боратынского) (1800-1844)

Любовь бывает такой разной, что ее порой и за любовь-то не примешь. Иногда любовь кажется вспышкой света, иногда - ноющей в сердце болью.

Первую разновидность любви поэт **Евгений Боратынский** узнал в Петербурге, влюбившись в **Софью Дмитриевну Пономареву**, дочь сенатского оберсекретаря, большую авантюристку и завзятую любительницу талантливых литераторов, женщину необычайную, странную, страстную, славившуюся своими выходками на всю Северную столицу.

Вторую - в Финляндии, полюбив **Аграфену Федоровну Толстую**, жену своего командира - Арсения Андреевича Закревского, генерал-губернатора Финляндии.

И та, и другая долго питали его поэзию.

А что можно сказать об **Анастасии Львовне Энгельгардт**, женщине «неэлегической наружности», ставшей его женой и посвятившей ему жизнь?

Наверное, многое. Только вот в героини поэмы она, по мнению поэта, не годилась: и копье на турнире ради нее не сломаешь, да и с ума из-за нее не сойдешь.

Окружающим казалось, что Евгений Боратынский был счастлив в браке, он построил добротный дом в Муранове, и хозяйственные дела шли прекрасно. И он, конечно же, по-своему любил жену - как хозяйку, мать их семерых детей, добрую и умную женщину. Но всю жизнь душу его скребли кошки, и поэт никак не мог отделаться от мысли, что счастливым так и не стал...

Родился Евгений Боратынский 2 марта 1800 года в семье Абрама Андреевича Боратынского, отставного генерал-лейтенанта из окружения императора Павла I, и Александры Федоровны Черепановой, бывшей фрейлины императрицы Марии Федоровны.

Казалось, уже в силу одного своего аристократического происхождения ребенку была обеспечена блестящая, надежная карьера. Но судьба распорядилась по-иному.

А что касается любви, то и тут судьба жестоко посмеялась над ним - Боратынский оказался единственным на свете поэтом, скончавшимся от любви к собственной жене.

Как же все это произошло? Попробуем на первой мартовской встрече в **литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МУК ТБК** в традиционной рубрике «Persona Nota» (Известная личность) прикоснуться к таинственной истории жизни Евгения Боратынского.

Итак...

Клин вышибают клином

Поговорка о том, что мужчина должен построить дом, вырастить дерево и родить ребенка, еще не появилась на свет, но это ничего не меняло: Евгений Боратынский строил дом и с каждым днем получал все большее наслаждение.

Материалом для стен послужили вертикально поставленные бревна: скоро их обложат кирпичом. Вместо штукатурки он собирается использовать глину (так делают на Тамбовщине) и уже написал матери, что под краской разницы с настоящей штукатуркой видно не будет. А уж что касается долговечности, он ручается, что дом простоит сто лет и не потребует никакого ремонта.

Поэт чертил планы, командовал каменщиками, покрикивал на плотников и чувствовал, что строительство захватывает его не меньше, чем работа над поэмой. Здесь было даже важное преимущество - стихотворение отдаешь на суд других, и глупцы-критики (чего стоит хотя бы неуч и грубиян Белинский!) бросаются на твое детище, словно коршуны. А дом строится для себя, чужие его не опоганят.

Стены поднимались все выше, и Евгений оттаивал душой - последний год оказался для него скверным. Поэт Боратынский чувствовал себя глубоко несчастным, и самое противное состояло в том, что серьезных причин для этого не было.

Он крепок, здоров, а после женитьбы стал состоятелен. Жену, Анастасию Львовну, урожденную Энгельгардт, в девичестве за глаза называли барышней «любезной, умной и доброй, но не элегической

наружности». А для Евгения наружность не имела значения - он полюбил ее душу. И не прогадал: лучшей жены просто не найти.

Так в чем же дело - конечно же не в том, что критика охладела к его стихам, а Белинский ничего не понял в «Наложнице»? Это просто смешно! Что ему, взрослому, гордому, многое повидавшему человеку, критики? Что Белинский?

Боратынский твердо решил стать счастливым, но по вычерченной им дороге счастье не пришло. А тот, кто хочет найти доступный и полезный заменитель счастья, должен начать строить дом - и он у Евгения получался на славу.

Поэт возил на продажу вековой лес, после сажал на вырубках маленькие ели, сосны и дубы, убивая душевную пустоту. Червь, гложущий его душу, затихал лишь тогда, когда голова была занята тесом, кирпичом да планом гостиной...

Что будут помнить о нем его собственные сыновья? Как Евгения исключили из Пажеского корпуса за кражу? Его поэтическую известность? (Славный был поэт, но не Пушкин, нет, не Пушкин!).

Евгений строил обыкновенный дом - простой, уютный, удобный: свет в гостиную попадает не только через окна, но и через застекленные двери; дети будут заниматься на самом верху, в башенке. Свет будет литься и сверху, из окон, прорезанных в барабане купола. Боратынский чертил планы, проверял прочность бревен, распекал плотников: он думал, что здесь пройдет остаток его жизни.

Поэт проводил на стройке весь день, а вечером приходил в крестьянскую избу, ужинал хлебом с молоком, писал письма, ложился на покрытую чистой простыней лавку и тут же засыпал.

Он видел те же сны, что и много лет назад, когда учился в Пажеском корпусе: родительский дом в Маре, имение под Тамбовом, овраг, пруд, грот и протягивающий к нему руки высокий мужчина в павловском мундире - человек без лица. Это отец, а лица его он не помнит: отец умер, когда Евгению было десять лет.

Стихов тот не писал, но жизнь прожил полную - даже по меркам своего богатого на приключения времени. Выходец из знатного, но обедневшего карпатского рода (на Руси бывшие владельцы замка Боратынь стали Боратынскими) служил в гвардии, сражался со шведами на море. После того как на его галере были разбиты все пушки и переломаны весла, Абрам Андреевич Боратынский попал в плен и был представлен шведскому королю.

Скромный офицер сделал блестящую карьеру: цесаревич Павел приблизил его к себе, император Павел I сделал генералом, одарил землями и крепостными. После отца осталась славная память.

А ощущение от сна у его сына Евгения было таким же, как когда-то в корпусе: тоскливое одиночество и желание немедленно что-нибудь разбить.

И грянул гром, или Черт в судьбе

Однажды он уже поддался такому чувству, и чем все закончилось? Мерзким поступком, позором, затянувшейся на годы бедой. Евгений перетерпел беду, обуздал своих бесов и выжил. Так что же, выбросить прошлое из головы? Но как? Ведь ничего ярче и страшнее в его жизни не было!

Все началось со скверных книг, впечатление от которых умножилось на сильное воображение и живость нрава. В Пажеском корпусе он зачитывался романами о похождениях знаменитого Ринальдо Ринальдони и прочих бандитов. Но погубили его не канувшие в Лету графоманы, а блистательный Шиллер: он прочел «Разбойников» и решил перейти к делу.

Так появилось "Общество мстителей", попортившее много крови и учителям, и служившим в корпусе офицерам. Инспектору они подсыпали в табак толченых шпанских мух, и тот шел домой с распухшим носом, а офицерам тайком обрезали форменные шарфы. По вечерам «мстители» собирались на чердаке корпуса и пировали припрятанной во время ужина едой.

Вскоре к обществу присоединился 13-летний паж Приклонский, сын камергера. Он сообщил, что несколько месяцев назад подобрал ключ к бюро отца и каждую неделю таскает оттуда деньги. Теперь "разбойники" зажили широко: каждый вечер лакомились конфетами.

До выпуска оставалось недолго - впереди у Евгения была спокойная, удачная жизнь с постоянным повышением в чинах, выгодной женитьбой, придворной карьерой. Но тут в его судьбу вмешался черт - паж Приклонский уехал из города и по доброте душевной оставил им ключ от отцовского бюро. Прошла неделя, затем другая. «Мстителям» захотелось сладкого.

«Погостили» хорошо. Боратынский, который был знаком с Приклонским - старшим, отвлекал хозяина разговором, а приятель Ханыков пробрался в его кабинет, открыл бюро и вытащил оттуда

оправленную в золото черепаховую табакерку и пятьсот рублей. Табакерку пажи изломали и выбросили, золотую оправу спрятали, двести семьдесят рублей потратили на сладости и ликеры.

Камергер быстро обнаружил пропажу и поднял шум. Корпусное начальство устроило обыск. Часть денег нашли. Начальник Пажеского корпуса, генерал-лейтенант Клиндер тут же сообщил о случившемся императору. И над головами провинившихся пажей грянул гром - да такой, какого в Петербурге не слыхали со времен покойного государя Павла Петровича.

Камергер Приклонский рвал на себе волосы: оказалось, его собственный сын - член шайки! Теперь он отдал бы все, чтобы избежать скандала. Камергер просил государя простить пажей, но было уже поздно.

Император подверг юнцов строгой каре: Ханькова и Боратынского исключили из корпуса, запретив поступать на любую службу, военную или статскую. Императорский указ был разослан во все присутствия и полки. И бывшие пажи превратились в парий, призраков Боратынского и Ханькова: дворянские грамоты остались в корпусе, в результате они утратили все гражданские права.

Единственным выходом оставалась солдатская шинель, но 16-тилетний Боратынский понял это не сразу. Около года он мыкался в Петербурге, жил у матери в Маре, пока в Петербурге за него хлопотала родня. Но хлопоты не помогли. Через три года Евгений Боратынский стал рядовым солдатом лейб-гвардии Егерского полка...

Это случилось двадцать два года назад, с тех пор прошла жизнь... Целая жизнь, а что ее заполняло? Домашние хлопоты, занятия литературой, жена, дети, встречи с друзьями... Что ни говори, но это было призрачное существование.

Отец, павловский генерал, по-прежнему казался ему идеалом - но если в молодости он еще мог попытаться к нему приблизиться, потому и пошел в солдаты, то что делать теперь, когда жизнь сложилась? Строить дом, как это сделал отец в Маре? Он его и строит.

А ведь в былые годы счастье казалось таким достижимым, таким простым: получи офицерские эполеты - и оно в кармане!..

Солдатское счастье и первая любовь

Возможно, на самом деле все обстояло вовсе не так, как казалось, и именно солдатом Боратынский был истинно счастлив.

Командир полка, Карл Иванович Бистром, оказался добрым знакомым его родных, и служба совсем не тяготила Боратынского. Евгений жил на частной квартире, в городе он носил статское платье, с утра ходил на службу, да и то не всегда. Его окружали друзья: барон Дельвиг, начинающий поэт, литератор Кюхельбекер, поэт Креницын, шестой год проводивший в Пажеском корпусе. Боратынский прятельствовал с Пушкиным...

Это была хорошая жизнь, она частенько вспоминалась поэту и много лет спустя.

Однажды Дельвиг прислал друзьям визитные карточки с приглашением отобедать. Когда все собрались, барон повел их в город и остановился перед домиком с намалеванным над входом двуглавым орлом.

- Помилуй, братец, это и есть твой обед? Брось свои причуды, пойдём в ресторан!

Дельвиг пренебрежно покачал головой:

- Что хорошего в ресторане? Кого из тех, кто там обедает, мы не видали? Здесь же нас ждет новое общество. Посмотри на герб: может ли царев кабак не потрефит истинным патриотом?

В кабаке висело дымное марево. Пиликала скрипка, мужичонка в пеньковой шапке плясал русскую. Друзья попросили настойки, и важный трактирщик наполнил рюмки, протерев их перед тем большим пальцем. Так начался этот замечательный день - закончили его в харчевне, где нож и ложки были прикованы к столу цепями. Цепи грохотали весь обед. С утра стоявшие на огне щи, к полудню долитые и доваренные, исчезали на глазах. Хохот стоял неопишумый.

Так они и жили, чередуя проказы со стихами, а пирушки с разговорами о судьбах Отечества.

Вскоре пришла и любовь - как же без нее, если тебе чуть за двадцать, ты хорош собой и считаешься отверженным? Офицеров в Петербурге много, а солдат-дворянин, да еще из знати, к тому же одаренный поэт - один...

Даме с заурядным умом такой выбор мог бы показаться необычным, но особа, решившая покорить солдата Боратынского, славилась своими выходками на всю Северную столицу. Петербургской любовью рядового лейб-гвардии Егерского полка и потомка легендарного галицийского замка Боратын стала **Софья Дмитриевна Пономарева**, дочь сенатского оберсекретаря.

Поговаривали о ней всякое. Идет, к примеру, завсегда у нее салона по улице и вдруг столбенеет от неожиданности. Что такое? В чем дело? Да ни в чем - просто ему в лицо расхохоталась хорошенькая крестьяночка с коромыслом плече. Он вглядывается в нее пристальнее - а и не крестьянка это, а Софья Дмитриевна спешит по своим секретным делам!

Другой друг дома Пономаревых, человек почтенный и заслуживавший доверия, уверял, что как-то поутру видел Софью Дмитриевну, наряженную финкой. За ней, тоже в финском костюме, шла ее подруга, итальянка. А куда они торопились, кто их ждал, чего ради дамы затеяли этот карнавал, оставалось только гадать.

Этим поклонники Софьи Дмитриевны и занимались. Поэт Боратынский должен был украсить коллекцию Пономаревой. Дело, однако, кончилось тем, что она влюбилась в него сама. Передаваемые через друзей записки, свидания в Летнем саду, объяснения, ревность...

Презренье к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Но как влекла к себе всесильно
Ее живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбаются умильно?
Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла!..

Было ли это счастьем? Теперь Евгений может ответить твердо - да, было!

Потом ему дали чин. Впрочем, чин издевательский, дворянский: Боратынский стал унтером. Он перевелся в армию и отправился в Финляндию в Нейшлотский пехотный полк.

Любовь вторая, или План похищения чужой жены

Там поэт узнал, что такое безнадежная, смертельная любовь. Боратынский влюбился в Аграфену Федоровну Толстую, жену своего командира - Арсения Андреевича Закревского, генерал-губернатора Финляндии.

Закревскому Аграфену сосватал сам император. Генерал принял женитьбу так, как принимал назначения на новую должность: с достоинством и готовностью исполнить свой долг. Отношения с женой у него первое время оставались совершенно платоническими: граф не считал возможным охотиться в полях, когда-то принадлежавших государю.

В свете у Аграфены Федоровны была слава Мессалины. Она ее заслужила: без постоянного кавалера графиня не обходилась, головы кружила всему финскому свету: русским офицерам, морякам и служившим в русской армии шведам. Лицо, по словам недоброжелательниц, имела *«округлое, как ее бусы»*, но совершенно прелестное. А еще у нее были живые глаза и удивительно белые руки...

Итак, Финляндия: леса, озера, огромные валуны. Зимой - сверкающий на солнце снег; просыпающиеся весной водопады; комары, не дающие покоя летом, и прекрасная женщина, из-за которой Боратынский сходил с ума.

Появился и соперник - Николай Путята, адъютант генерала Закревского.

Впоследствии Боратынский с Путятой породнились, женившись на родных сестрах, но кто бы мог представить такое двадцать лет назад?

Разумеется, никто - тогда Евгения волновали только две вещи - откладывающееся с года на год производство в офицеры и благосклонность прекрасной Мессалины - графини Аграфены Федоровны. Рядом с Аграфеной постоянно находился шведский аристократ Армфельт, прозванный за глаза Мефистофелесом. Да и каждый второй полковой офицер был готов бежать с ней хоть на край света.

Закревский смотрел на флирт супруги с равнодушием истинного философа: граф понимал, что красавице жене, богатой наследнице, доставшейся ему по прихоти императора до поры до времени лучше дать волю. Скандалы и трагедии ему не нужны, а с годами графиня перебесится.

На балах в Гельсингфорсе и Вильманстранде гремела музыка, пары летели в мазурке, среди офицеров в золоченых мундирах выделялся статский в черном фраке - унтер-офицер Нейшлотского полка Боратынский. Во время танца графиня улыбнулась ему, шепнув на ухо: «*У вас красивые глаза, мсье унтер*». Что это значит? Имеют ли се слова хоть какое-то значение - ведь второй такой кокетки нет во всем свете? Может ли он надеяться?

После бала унтер-офицер утешал адъютанта Путятю. Тот рассказывал другу о том, что Мессалина делала ему авансы. Накануне графиня сказала, что хотела бы станцевать с ним мазурку. Но сегодня Мессалина разговаривала только с Мефистофелесом, а для него у нее танца не нашлось! Путятя кусал губы и клялся вызвать шведа Армфельта на дуэль и пристрелить, как собаку.

Боратынский успокаивал его и старался не рассмеяться. И, правда, - ну что тут скажешь? «Все устроится?» Он искренне на это надеялся, но пусть у Мессалины все устроится не с другом-соперником Путятой, а с ним. Евгений дружески похлопывал его по плечу, а сам обдумывал романтический и вполне разумный план.

Чина можно ждать еще сто лет, выйти в отставку унтер-офицером невозможно. Вместо этого он мог бы бежать с графиней за границу - хотя бы в Италию. Знакомый капитан тайно вывезет их из страны. В последние годы имение сильно расстроилось, но на скромную жизнь в Риме хватит. К тому же он может поступить на службу - хоть в папскую гвардию... Похитить жену у генерал - губернатора Закревского - тоже карьера, это дорогого стоит. Вопрос в том, как посмотрит на его план Мессалина?

Время шло. Боратынский влюблялся все сильнее, даже как будто похудел. Друзья интересовались его здоровьем, он отвечал что-то невразумительное - не объяснять же всем, что Мессалина больше не обращает на него внимания.

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом ее заразы страстной
Исполнен воздух! Жалок тот,
Кто в сладкий чад его вступает:
Ладью пловца водоворот
Так на погибель увлекает!
Беги ее: нет сердца в ней!
Страшись вкрадчивых речей
Одуревающей приманки;
Влюбленных взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар - не жар любви.

А вскоре пришло печальное известие: в письме из Петербурга говорилось, что Софья Дмитриевна Пономарева скоропостижно скончалась - хохотунья и выдумщица простыла во время загородного катания и сгорела за несколько дней.

Теперь его жизнь окончательно потеряла вкус и цвет, но до конца финляндского заточения было уже недолго.

За честь мундира

Император по-прежнему не хотел слышать о Боратынском - на очередном представлении даже написал «*впредь без повеления не докладывать*».хлопоты родни не помогали.

Евгений писал стихи - судьбой молодого поэта заинтересовался Жуковский. Боратынский прислал ему свою исповедь, и Василий Андреевич принял его беду близко к сердцу и пустил в ход все свои связи. Но толку от этих хлопот тоже не было - Жуковский не помог.

Помогла дама - ветреная Аграфена Закревская, которая хоть и любила мучить своих кавалеров, но злой женщиной не была. Мессалина захотела помочь своему мечтательному кавалеру, а муж-генерал любил радовать жену. Закревский не нарушал монаршей воли и не писал представлений, но попросил за Боратынского лично, в добрую минуту, когда император был расположен к своему генерал-адъютанту.

Так Евгений Боратынский стал прапорщиком, и сразу после этого подал прошение об отставке. Честь была восстановлена, теперь он мог служить где угодно - не только в военной, но и в статской службе.

На пути к гармонии духа

Вскоре его представили молодой особе «неэлегической наружности». Он влюбил в себя Настеньку Энгельгардт, женился и был счастлив.

Не ослеплен я музою моею,
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором,
Ни склонности у ней, ни дара нет,
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой,
И он скорей, чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

Когда умер тесть, Евгений начал управлять и именьями Боратынских, которые вконец расстроились под маменькиным присмотром, и поместьями Энгельгардтов. Таков был назначенный им путь к гармонии духа: семья, труд и поэзия...

Но судьба распорядилась иначе.

Евгений оказался прекрасным хозяином, через несколько лет после того как они с семьей обосновались в Муранове, у них появились немалые деньги. Они решили отправиться в большой тур по Европе: Берлин-Лейпциг-Дрезден-Париж, затем поехать в Италию, прекрасную Италию, край поэтов и художников...

Боратынский гулял по старинным улочкам маленьких итальянских городов, любовался видами Неаполя. Там с его женой случился тяжелый нервный припадок, за ним последовал глубокий обморок, и местные врачи всерьез обеспокоились за ее жизнь.

Евгений стоял, прислонившись к стене, кусал губы и смотрел на задернутую кисейным пологом кровать. Как ему быть, если произойдет непоправимое? Он не сможет вернуться в Мураново один! Как обойтись без заботы Анастасии Львовны, ее спокойного, ненавязчивого интереса к его делам, стихам, мыслям?

Поэт представил - и ужаснулся бессмысленной пустоте, которой может обернуться жизнь, закусил побледневшие губы и схватился за сердце. «Неэлегическая наружность» - какой вздор! Прекраснее женщины нет! И какой же он глупец, что не говорил ей об этом каждый день, каждый час - всегда, когда она хотела бы это слышать...

К вечеру Анастасия Львовна пришла в себя.

...А на следующий день с Боратынским случился сердечный приступ, и кровоизлияние в мозг убило поэта за два часа.

Жена с сестрой разделили отцовские именья, Мураново перешло семье Путяты. Старый друг сохранил дом таким, каким он был при Боратынском. А капитальный ремонт потребовался только через сто двадцать лет - Боратынский оказался прав, бревенчатые стены под кирпичом и глиняной штукатуркой по прочности не уступали камню...

Литература:

1. Александров А. Отверженный//Караван историй.-2006.- №7. - Стр. 182-191.
2. Боратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М.: Наука.-1982.
3. Бочаров С.Г. О художественных мирах: Сервантес. Пушкин. Боратынский. Гоголь.- М., 1985.
4. Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А.Боратынском. - М., 2000.
5. Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. - М., 1990